

О СВОЙСТВАХ УГОЛОВНОГО СУДОПРОИЗВОДСТВА КАК РАЗНОВИДНОСТИ СОЦИАЛЬНОЙ ДЕЙСТВИТЕЛЬНОСТИ

© 2021 г. А. Т. Гольцов

*Российская академия народного хозяйства и государственной службы
при Президенте Российской Федерации, г. Москва*

E-mail: an246@yandex.ru

Поступила в редакцию 23.12.2020 г.

Аннотация. В настоящей статье рассматриваются фундаментальные для российского уголовно-процессуального права вопросы, связанные с назначением уголовного судопроизводства, его социальной природой и «закономерностями» его функционирования как сверхсложного объекта управления. Автор формулирует социологическое понятие уголовного судопроизводства как особой разновидности социального образования, «членами» которого выступают организационно и функционально обособленные, автономные субъекты уголовно-процессуальной деятельности. В работе подчеркивается связь назначения уголовного судопроизводства как широкой социальной системы и задач, стоящих перед участниками уголовно-процессуальных отношений. Отдельно сформулированы выводы, к которым автор приходит в результате исследования.

Ключевые слова: уголовное судопроизводство, назначение, прокурор, суд, адвокат, цели, задачи, процедура, порядок, функции.

Цитирование: Гольцов А.Т. О свойствах уголовного судопроизводства как разновидности социальной действительности // Государство и право. 2021. № 7. С. 62–71.

DOI: 10.31857/S102694520015039-3

ON THE PROPERTIES OF CRIMINAL JUSTICE AS A KIND OF SOCIAL REALITY

© 2021 А. Т. Голтsov

Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Moscow

E-mail: an246@yandex.ru

Received 23.12.2020

Abstract. This article deals with the fundamental issues of Russian criminal procedure law related to the purpose of criminal proceedings, its social nature and the “laws” of its functioning as a super-complex object of management. The author formulates the sociological concept of criminal justice as a special kind of social education, the “members” of which are organizationally and functionally separate, autonomous subjects of criminal procedure. The paper emphasizes the connection between the purpose of criminal justice as a broad social system and the tasks facing the participants of criminal procedure relations. The conclusions that the author comes to as a result of the research are formulated separately.

Key words: criminal proceedings, appointment, prosecutor, court, lawyer, goals, objectives, procedure, procedure, functions.

For citation: Goltsov, A.T. (2021). On the properties of criminal justice as a kind of social reality // Gosudarstvo i pravo=State and Law, No. 7, pp. 62–71.

Уголовное судопроизводство представляет определенный вид социальной деятельности и складывающуюся на основе этой деятельности особо организованную социальную систему. То есть автономную систему, чтобы можно было говорить о ней как об обладающей качеством самостоятельного социального образования феномена. Уголовное судопроизводство как социальная система является фактом социальной действительности, имеет свои относительно определенные, стабильные границы, которые, как показывает опыт законодательного регулирования (моделирования), несводим к рамкам уголовно-процессуального законодательства. Положение личности в уголовном судопроизводстве, обусловленное типом базового отношения «человек-государство», производно от другого фундаментального факта – зависимости уголовно-процессуальной деятельности от той социальной действительности (общественно-го и политического строя), которая выступает генератором различных социальных систем. Можно с уверенностью говорить, что «создаваемые» социальные системы (в отличие от естественно возникших (например, семьи или «рода», пользуясь марксистской терминологией)), выступая своего рода формой более широких общественных отношений (экономических, политических, культурных и т.д.), выполняют их представительские функции вовне и способны служить маркерами происходящих социальных процессов. Генезис юридических форм в конечном счете обусловлен экономическим строем и политическим режимом государства. Отсюда справедливость утверждения о том, что «законодательство, устанавливающее порядок уголовного судопроизводства, является одним из важнейших индикаторов политического режима, поскольку оно отражает коренное общественное отношение: личности и государства»¹.

Особенность уголовного судопроизводства заключается в его «вплетенности» в политическую систему государственно организованного общества. По мнению И. Я. Фойницкого, «судебно-уголовное право принадлежит к сфере публичного государственного права не только потому, что органы уголовного процесса входят в систему государственных установлений, но и потому, что производство уголовных дел создает между подсудимым и государством отношения публичного свойства. Вследствие этого уголовное судопроизводство стоит в тесной зависимости от государственного строя данной страны и, в свою очередь, оказывает на него крупное влияние»².

¹ Михайловская И.Б. Трансформация российского уголовного судопроизводства // Труды ИГП РАН. 2011. № 1. С. 158.

² Фойницкий И. Я. Курс уголовного судопроизводства. СПб., 1996 г. Т. 1. С. 4.

Уголовное судопроизводство выступает одним из основных по своей значимости способов, с помощью которых опосредуются базовые социальные отношения³.

Как разновидность социальной системы уголовное судопроизводство может быть характеризовано с определенных позиций и включает в себя определенные качественные компоненты: уголовное судопроизводство как сложный социальный институт формируется в качестве «инструмента» решения социально значимых задач, является в определенном смысле средством достижения общественно полезных целей⁴; уголовное судопроизводство само складывается как специфическая социальная среда, является общностью различных субъектов; уголовное судопроизводство объективируется как безличная структура связей и норм.

Перейдем к более подробному рассмотрению названных компонентов.

Уголовное судопроизводство как «инструмент» разрешения социально значимых задач. Законодательная формулировка назначения уголовного судопроизводства содержится в ст. 6 УПК РФ. По известным и вполне понятным причинам термин «задачи», ставший традиционным для отечественной отрасли уголовно-процессуального права, трансформировался в понятие «назначения». Тем самым на законодательном уровне созданы условия для радикального изменения практического отношения к уголовно-процессуальной деятельности: подчеркивается значение не конечного для уголовного процесса результата, а роль уголовного судопроизводства в обеспечении прав и законных интересов лиц, вовлеченных в уголовно-процессуальную сферу.

Понятие назначения уголовного судопроизводства должно быть увязано с теми задачами, которые оно как инструмент социальной политики призвано решать исходя из существующей в государственно-организованном обществе социальной потребности. Назначение уголовного судопроизводства должно быть производно, таким образом, от социально значимых задач. Вместе с тем достижение сформулированных перед уголовным судопроизводством задач – это только лишь формальный критерий правильности полученного результата. Эффективность уголовного судопроизводства оценивается все же не формальным достижением нормативно запланированных целей, а состоянием

³ См.: Норт Д., Уоллис Дж., Вайнгаст Б. Насилие и социальные порядки. Концептуальные рамки для интерпретации письменной истории человечества / пер. с англ. Д. Узланера, М. Маркова, Д. Раскова и А. Расковой. М., 2011. С. 56–63.

⁴ См. также: Гольцов А. Т. Институциональный фактор как существенное условие социально-экономического взаимодействия в государственно-организованном обществе // Евразийская адвокатура. 2020. № 5. С. 97–103.

удовлетворенности той социально значимой потребности, того социально значимого ожидания, которые детерминируют назначение уголовного судопроизводства.

Говоря о взаимозависимости назначения уголовного судопроизводства и обуславливающего его социального запроса, необходимо принять во внимание несколько обстоятельств.

Во-первых, определение социального назначения вызывает известную трудность тем более для одной – в данном случае исключительно юридической науки. Не выходя за рамки собственно юриспруденции, определить социальное назначение уголовного судопроизводства представляется сложным, очевидно, что для этого необходим междисциплинарный подход. Кроме того, сам процесс перевода социального назначения уголовного судопроизводства на язык закона таит в себе большую угрозу искажения. «Механизм трансформации социального в юридическое, – справедливо отмечал Л.И. Спиридовон, – несравненно сложнее, чем простое “зеркальное” отражение экономических отношений в правовых формах»⁵.

Во-вторых, сформулированные перед уголовным судопроизводством задачи продиктованы извне. Назначение уголовного судопроизводства в его нормативном выражении задано как бы в директивном порядке. «Автором» поставленных перед уголовным судопроизводством задач выступает более широкая социальная система, которая выражает в назначении уголовного судопроизводства его внешнее предназначение как социального инструмента. Значимость стоящих перед уголовным судопроизводством задач заключается в том, что они выступают интегративным компонентом, вокруг и по поводу них должна концентрироваться вся система уголовной юстиции, все поле уголовно-процессуальной деятельности. Таким образом, в задачах уголовного судопроизводства заложен принципиальный ориентир, своего рода критерий, с помощью которого должно оцениваться соответствие уголовно-процессуальной деятельности составляющим объект охраны ценностям.

Идеальный образ такой связи «назначения» уголовного судопроизводства и уголовно-процессуальной деятельности может выполняться при определенном, главном условии: если сформулированные задачи не являются декларативными, маскирующими реальное назначение уголовного судопроизводства. В противном случае поиск соответствия и попытки исправить отклонения окажутся по понятным причинам бессмысленными.

⁵ Спиридовон Л.И. Социология уголовного права. М., 1986. С. 82.

В то же время следует отдавать отчет в том, что закрепленная в уголовно-процессуальном законодательстве юридическая норма о назначении уголовного судопроизводства не может быть лишена декларативности в силу ее публично-правового характера и, как следствие, общего действия. Под декларативностью в данном случае подразумевается не характер самого предписания, который в силу отмеченной особенности продиктован сущностью правовой нормы, а фактическое отношение государства к объектам охраны – закрепленным в юридической норме о назначении уголовного судопроизводства ценностям.

В-третьих, выявление и описание целей уголовного судопроизводства в качестве сложного социального образования представляет несомненную трудность. Процесс трансформации социального назначения уголовного судопроизводства в плоскость юридической нормы, в которой раскрывались бы социально значимые задачи, стоящие перед уголовным судопроизводством, не свободен от аберраций. В этой связи актуальным является вопрос о критериях, с помощью которых можно было бы оценивать степень соответствия сформулированного в уголовно-процессуальном законе назначения тем социально значимым задачам, которые уголовное судопроизводство призвано решать фактически, с одной стороны. С другой – решение социально значимых задач может не совпадать с достижением сформулированных в уголовно-процессуальном законе целей, что, в свою очередь, должно влечь за собой корректировку целей / назначения уголовного судопроизводства на законодательном уровне.

Не менее острым становится также вопрос о критерии (их совокупности), который позволял бы оценивать степень соответствия фактически достигнутого результата юридически закрепленному в уголовно-процессуальном законе назначению и социально значимым ожиданиям. Поскольку сопоставление производится под разными углами (на задачах разного уровня), возможно несколько вариантов расхождения.

Например, один случай – практика уголовного судопроизводства отвечает формально декларируемым целям, но при этом не соответствует социальному запросу. Такая ситуация как теоретическая конструкция вполне может рассматриваться абстрактно. Очевидно, что на практике в такой ситуации речь должна будет идти о том, что юридически декларируемые цели фактически являются теми реальными ожиданиями, для удовлетворения которых и функционирует система уголовного судопроизводства.

Расхождение другого плана вызывает пристальный интерес. Речь идет о тех случаях, когда

практика уголовного судопроизводства отвечает некоторому социальному заданному стандарту, хотя и не совпадает с декларируемыми в законодательстве целями / назначением уголовного судопроизводства.

Такое расхождение говорит само за себя: сформулированные в уголовно-процессуальном законе задачи / назначение выступают очевидно декларативными. Назначение уголовного судопроизводства должно формироваться как бы «в материале» социальной среды, поэтому расхождение между нормативно обозначенными целями и обусловливающими их общественными потребностями может быть снивелировано, как уже было сказано, корректированием закрепленных в законе задач. Это утверждение справедливо только при условии, что декларативность отраженных в законе задач / назначения не выполняет самостоятельной служебной роли для камуфлирования реального положения дел. Тогда стремление изменить практику функционирования системы уголовного судопроизводства будет носить поверхностный и имитирующий характер. Поправки в законодательные акты, совершенствующие отдельные вопросы уголовно-процессуальной деятельности, хотя и могут при всем при том отвечать духу времени, быть в тренде современных представлений, однако реального воздействия на практику уголовного судопроизводства в целях ее исправления оказать не смогут. Негативные последствия такого положения вполне очевидны: реализация власти вопреки установленной легальной процедуры, утрата доверия к официальным структурам, отсутствие почвы для уважения права, поиск фактических путей решения возникающих в связи с уголовным преследованием и судом вопросов.

Еще один вариант расхождения — когда практика уголовного судопроизводства не отвечает задачам уголовно-процессуального закона и реальным социальным ожиданиям.

Для выявления тех задач, которым система уголовного судопроизводства фактически «подчиняется» в рассматриваемом случае, необходимо обратиться к практике функционирования ее субъектов — реальных агентов системы уголовного судопроизводства, от деятельности которых зависит обеспечение в нем социального порядка.

Уголовное судопроизводство как специфическая социальная среда. Цель уголовного судопроизводства выступает интегративным компонентом для функционально и организационно самостоятельных групп участников — агентов социальной системы. Система уголовного судопроизводства не имеет единой организационной основы. Уголовное судопроизводство само по себе является видом деятельности, общим для организационно и функционально

обособленных субъектов — правоохранительных органов, адвокатуры. Выступая «агентами» (в терминологии социологических теорий) социальной системы — уголовного судопроизводства, они в то же время являются автономными образованиями — социальными организациями, деятельность которых также на верхних «этажах» функционирования их систем связана с удовлетворением определенной социальной потребности. В уголовном судопроизводстве автономность функционирования его субъектов обусловлена их принадлежностью к разным ветвям власти — исполнительной и судебной. Через функции организационно обособленных участников уголовного судопроизводства, выступающих представителями разных ветвей власти, должна происходить их интеграция в направлении общих целей — назначения уголовного судопроизводства. Практика уголовного судопроизводства объективируется в функциях основных ее агентов. Как справедливо отмечала И. Б. Михайловская, «если провозглашаемая цель уголовного судопроизводства может допускать различные толкования, а принципы — страдать декларативностью, то функции объективно “материализуются” в нормах закона, наделяющих участников процесса правами и возлагающих на них обязанности»⁶.

Организационная и функциональная обособленность субъектов уголовно-процессуальной деятельности воздействует на формирование уголовного судопроизводства в качестве широкой и сложной социальной системы особого качества — самоорганизации. Свойство социальной самоорганизации есть имманентный признак любой социальной системы как на макро-, так и на микроуровне (общество, группа, коллектив). «То, что на уровне индивида, есть целевое поведение, на более широком уровне выступает как самоорганизация системы. Примером такой самоорганизации можно назвать многие демографические процессы... Эти процессы остаются таковыми в своей основе, несмотря на внедрение в них элементов целенаправленного воздействия и объективированного порядка (право, стимулы)»⁷.

Социальная самоорганизация — результат взаимодействия групп участников, осуществляющих присущие им полномочия и действующих в своих собственных интересах и целях. Самоорганизация выступает, таким образом, естественным продуктом функционирования социальной системы. В целом характеризуя социальную самоорганизацию, следует отметить ряд важных особенностей:

⁶ Михайловская И. Б. Цели, функции и принципы российского уголовного судопроизводства (уголовно-процессуальная форма). М., 2003. С. 10.

⁷ Пригожин А. И. Социология организаций / отв. ред. Д. М. Гвишиани. М., 2015. С. 65.

спонтанность ее образования, непрозрачность ее характера, непредсказуемость ее результата, возможность отклонения от поставленных задач.

Феномен самоорганизации можно проиллюстрировать на примере того, как выглядят с позиции социологии обменные отношения на товарном рынке. Совершенно очевидно, что обмен между людьми неистребим. Люди вступают в обменные отношения сознательно. Мы исходим из того, что, совершая куплю-продажу, агенты обменных отношений наделены интеллектом и волей. И все же, несмотря на сознательность и целенаправленность обменных отношений на уровне индивидуальных субъектов, принимающих участие в них, само «поле», на котором происходит их взаимодействие, объективируется *самопроизвольно* в относительно стабильных элементах, из которых складывается социальный порядок (нормы поведения, ценности). «Отличительное ее свойство (социальной самоорганизации. – Т.Г.) – спонтанность, т.е. самоизврольность, отсутствие единого субъективного начала. Это не значит, что элемент субъективного, человеческая воля, план, цель здесь исключены совершенно. Но они не выступают как сознательно образуемая общая основа процесса. <...>. Каждый преследует свою цель, но процесс, который в итоге возникает, оказывается самосовершающимся»⁸.

Изложенный взгляд представляется верным по существу и в отношении уголовного судопроизводства, если рассматривать его с точки зрения социального феномена – системы социальных связей.

Уголовное судопроизводство под таким углом зрения выступает как продукт социального взаимодействия его агентов. Сфера уголовно-процессуальных отношений для них – своего рода экосистема, которая как некоторое интегральное направление общего движения возникает из «столкновения» функций и собственных задач ее субъектов.

Реализация общих задач, сформулированных перед уголовным судопроизводством, находится в зависимости от функционирования его субъектов (которые как агенты выступают в первую очередь ресурсом социальной системы) положении. Достижение соответствия общих задач в виде назначения уголовного судопроизводства и задач, стоящих перед субъектами уголовно-процессуальной деятельности, приобретает насыщенный характер и в то же время является крайне проблематичным.

В литературе не раз отмечалось, что цели уголовного судопроизводства можно условно разделить на «широкие» и «узкие». «Широкие»

являются предметом рассмотрения на уровне функционирования всей системы уголовного судопроизводства, а «узкие» – на уровне производства по конкретным уголовным делам при реализации непосредственных задач субъектами уголовного-процессуальной деятельности¹⁰.

Сформулированные в Уголовно-процессуальном кодексе РФ задачи уголовного судопроизводства являются общими для всех участников уголовно-процессуальной деятельности, и в первую очередь для тех, на кого возложено ведение производства по уголовным делам, – процессуальным органам. Их вклад в достижение общих задач, очевидно, определяется той ролью, которую они призваны выполнять в уголовно-процессуальной сфере. Безусловно, в решающей степени реализация назначения уголовного судопроизводства в конечном счете зависит от «качества» рассмотрения и разрешения уголовных дел судом¹¹.

Определение «узких» целей, задач, непосредственно стоящих перед основными субъектами уголовного судопроизводства (прежде всего органами уголовного преследования и судом), вызывает известную сложность.

Непосредственно стоящие перед процессуальными органами задачи (как и «назначение» уголовного судопроизводства в целом) не поддаются эмпирической расшифровке, что исключает постановку вопроса о каком-либо их количественном выражении при оценке результатов уголовно-процессуальной деятельности. «Успешность реализации функций (системы уголовного судопроизводства. – Т.Г.) законодатель не ставит в какую-либо зависимость от содержательной стороны решения, завершающего производство по делу»¹².

Попытка найти количественный критерий обернется для общества негативными последствиями, поскольку на уровне практической деятельности процессуальных органов, на которые возложено ведение производства по уголовным делам, количественно определенные задачи будут трансформированы в конкретные планы по возбуждению уголовных дел и вынесению приговоров.

Непосредственные задачи, стоящие перед процессуальными органами в сфере уголовно-процессуальных отношений, могут быть определены только «качественно» – с позиции законности

¹⁰ См.: Михайловская И.Б. Цели, функции и принципы российского уголовного судопроизводства (уголовно-процессуальная форма). С. 27.

¹¹ См.: Головко Л.В. Участие государства в уголовном судопроизводстве: от «равенства оружия» к реалистичным концепциям // Государство и право. 2020. № 6. С. 107–118.

¹² Михайловская И.Б. Процессы управления в судебной системе. М., 2012. С. 29.

⁸ Пригожин А.И. Указ. соч. С. 65.

⁹ Петрухин И.Л., Батуров Г.П., Морщакова Т.Г. Теоретические основы эффективности правосудия / отв. ред. Г.П. Батуров. М., 1979. С. 60, 61.

и обоснованности (а для суда – еще и мотивированности и справедливости) конкретно принятого ими решения, конкретно совершенного ими действия или бездействия. Критерием оценки в таком случае является соблюдение процедуры уголовного судопроизводства.

При такой трактовке задачи процессуальные органы как бы сливаются с их функциями в уголовном судопроизводстве. По существу, это означает, что задачи данных органов в уголовном судопроизводстве должны заключаться в том, чтобы выполнять свои функции в качестве самостоятельных субъектов уголовно-процессуальной деятельности в установленном законом порядке. «Очевидная цель системы уголовного судопроизводства – это реагирование в установленном законом порядке на сведения о совершенном преступлении. При таком толковании цели она фактически слиивается с основной функцией системы: расследованием, разбирательством и разрешением уголовных дел»¹³.

Содержательное раскрытие задач уголовного судопроизводства на уровне всей системы становится крайне проблематичным в первую очередь из-за того, что выполняемые органами уголовного преследования и судом функции носят полярный по отношению к друг другу характер. Противоречие функций по модели разделения властей обусловлено характером реализуемой ими власти – исполнительной и судебной, несводимости их к какой-либо одной с учетом механизма «сдержек и противовесов», который должен поддерживать противостояние органов обвинения и суда в уголовном судопроизводстве.

Содержательная сторона задач, непосредственно стоящих перед органами уголовного преследования и судом, может быть охарактеризована только с точки зрения содержания тех функций, которые они призваны осуществлять. Но если для органов предварительного расследования эти функции связаны с возбуждением, расследованием уголовных дел, поддержанием обвинения по ним в установленном законом порядке, то для суда – это рассмотрение и разрешение уголовных дел с вынесением итоговых по ним решений. Такое содержательное размежевание функций предполагает создание в уголовном судопроизводстве условий, при которых суд не отвечает за результаты расследования, не «склеен» позицией органов уголовного преследования.

Требования законности и обоснованности накладывают на «качество» выполнения процессуальными органами их полномочий определенные ограничения, одновременно предоставляя

возможность принятия ими решений содержательно близких друг другу – например, постановления о прекращении уголовного дела (или уголовного преследования) по реабилитирующими основаниями в досудебной стадии или оправдательного приговора.

Уголовное судопроизводство становится, таким образом, «полем» межцелевого напряжения, которое должно «работать» на выполнение общих задач – назначения уголовного судопроизводства.

«Функция системы слагается из функций ее структурных образований. Последние могут выполнять противоречивые функции (например, обвинение и защита в суде), однако само это противоречие рассчитано на заранее предвиденный положительный эффект, возникающий в результате столкновения различных интересов и мнений»¹⁴.

Нужно пояснить отдельно, что основания, из которых исходим, рассчитывая на «заранее предвиденный положительный эффект», не поддаются точному и однозначному контролирующему воздействию.

В задачах, которые мы называем общими для всей системы уголовного судопроизводства, отражаются желательные параметры, которым должна соответствовать результирующая социального взаимодействия субъектов уголовно-процессуальной деятельности. Эти параметры определяются в самом общем виде, и в них не «фиксируется» уровень желательного фактического состояния, к которому система уголовного судопроизводства должна стремиться. Вместе с тем механизм, приводящий к определенному социальному «выхлопу» как результату взаимодействия основных участников уголовного судопроизводства, остается совершенно непрозрачным для прямого регулирующего воздействия на него. Иными словами, предсказать заранее результат функционирования всей системы уголовного судопроизводства, оказывается проблематичным. Проблема не снимается попытками сформулировать перед системой уголовного судопроизводства менее абстрактные общие задачи. Отчасти это объясняется тем, что предопределить содержание процессуальных решений (исходя из уникальной совокупности фактических обстоятельств уголовного дела, индивидуальных особенностей его участников (возраст, социальное положение), а также других, не поддающихся однозначному предвидению факторов, влияющих на сложность и характер уголовного дела) физически невозможно. Отчасти – срабатыванием в самой «системе» неявных и неконтролируемых факторов, которые в своей сумме формируют то, что можно было бы отнести к действию «социальной физики».

¹³ Михайлова И.Б. Процессы управления в судебной системе.

¹⁴ Петрухин И.Л., Батуров Г.П., Морщакова Т.Г. Указ. соч. С. 76.

Как вывод из сказанного – целенаправленное достижение поставленных перед уголовным судопроизводством задач (в первую очередь в аспекте положительных изменений в социальной деятельности в качестве последствий практики функционирования уголовного судопроизводства) физически сужено фактором самоорганизации, имплицитно присутствующим в любой социальной системе и не поддающимся прямому управляемому воздействию. Возможности уголовного судопроизводства в реализации сформулированного перед ним назначения, таким образом, канализируются через его процедуру и в существенной степени ограничены ею.

Уголовное судопроизводство как объективированная безличная структура связей и норм. В рассматриваемом случае процедура уголовного судопроизводства интересует прежде всего не в юридическом ее значении – как установленная в уголовно-процессуальном законе форма, содержанием которой должны выступать гарантии прав и законных интересов участников уголовного судопроизводства.

В первую очередь речь пойдет о процедуре как об определенном «организационном порядке». Внимание обращается на функциональный характер процедуры, ее социологический аспект.

По большому счету основания, которые дают возможность рассматривать уголовное судопроизводство в качестве разновидности социальной организации (системы социальных связей), обусловлены двумя ключевыми обстоятельствами – целевым характером уголовного судопроизводства и наличием в нем собственного организационного порядка.

Введение организационного порядка является общепризнанным способом *упрощения*¹⁵ той характерной сложности и даже сверхсложности, которые от природы присущи социальным системам. Организационный порядок сводит сложность социальной системы к определенному стандарту деятельности, образцу, типизирует ее связи и нормы поведения. Принятие организационного порядка в социальной системе расширяет возможности осуществления управляющего на нее воздействия.

Известны два способа возникновения в социальной системе организационного порядка.

Официальное санкционирование (легализация) того естественно сложившегося фактического порядка вещей, который возник и существует до его формального признания. Организационный порядок в данном случае выводится из опыта. Признание опыта положительным, социально полезным, выступает основанием

¹⁵ См.: Маккай И. Право и экономика для континентальной правовой традиции / пер. с англ. И. Дагилевой и О. Якименко; под науч. ред. Д. Раскова. М., 2019. С. 47–53.

для его легализации. Его узаконивание приводит к появлению процедурных правил.

Наиболее ярким, на наш взгляд, примером такой практики может служить закрепление в Уголовно-процессуальном кодексе РФ Федеральным законом от 7 апреля 2010 г.¹⁶ возможности продления срока задержания свыше 48 часов до внесения подозреваемым залога. Продление срока задержания для внесения залога получило вначале широкое практическое распространение. При возбуждении следователем или дознавателем ходатайства об избрании подозреваемому заключения под стражу суд, находя возможным применение залога, выносил постановление о продлении срока задержания еще на 72 часа.

Конструирование нового организационного порядка (его отдельных элементов) с учетом накопленного ранее опыта. В этом случае создание новой «программы действий» как бы предшествует актуальному состоянию вещей. Конструирование социального порядка производится в заданных ему новых организационных формах.

Примером могут служить два непохожих друг на друга института – суд с участием присяжных заседателей и особый порядок судебного разбирательства.

Введение и функционирование в свое время утраченной, социально чуждой советскому порядку новой формы суда – с участием присяжных заседателей – может служить наиболее ярким примером такого конструирования. Функционирование суда с участием присяжных заседателей в условиях советской парадигмы уголовного судопроизводства было невозможно. Введение суда с участием присяжных заседателей потребовало существенного изменения принципиальных основ судопроизводственной деятельности в виде функционального размежевания суда и обвинения, состязательности, презумпции невиновности, устранения из оценки доказательств идеологемы социалистического правосознания, обязательного участия защитника, института недопустимости доказательств.

Институт присяжных заседателей «расколол» уголовное судопроизводство на две неравнозначные, параллельно существующие формы-парадигмы процесса – неоинквизиционную, подчиненную задачам «быстрого и полного раскрытия преступлений», и состязательную.

Особый порядок судебного разбирательства – обратный суду с участием присяжных заседателей пример конструирования.

Как известно, в особом порядке доказательства, подтверждающие обвинение, с которым подсудимый согласился, в судебном разбирательстве не

¹⁶ См.: СЗ РФ. 2010. № 15, ст. 1756.

исследуются. Процедура постановления приговора без проведения судебного разбирательства в общем порядке даже имплицитно не содержит в себе механизма исследования обвинительных доказательств, не говоря уже об их проверке.

В обвинительном приговоре, постановленном в особом порядке, судом фиксируется как бы сам результат оценки, констатируются как бы установленные судом обстоятельства; ход рассуждения суда, его аргументы, а также алгоритм вывода оказываются «скрытыми» от приговора. Анализ доказательств, их перечень и оценка в приговоре в особом порядке не отражаются.

И тот и другой тип возникновения «организационного порядка» характеризуют собой широко известный методологический прием – формализацию. Относительно уголовного судопроизводства эмпирически этот прием находит выражение в закреплении элементов организационного порядка в нормативном правовом акте, что, в свою очередь, придает уголовно-процессуальной форме статус всеобщности и обязательности. «Приверженность» участников уголовно-процессуальной деятельности закрепленному в УПК РФ порядку обусловлена прежде всего официальным качеством регулируемых им отношений.

Функционирование в уголовном судопроизводстве собственного официально установленного (подкрепленного нормативно-правовым авторитетом) организационного порядка позволяет говорить об эффекте *формальной организации* в сфере уголовно-процессуальной деятельности.

Своеобразие этой «формальной организации» заключается в том, что ее «членами» выступают самостоятельные, не подчиненные друг другу в административном или дисциплинарном плане субъекты уголовно-процессуальных отношений, представленные автономными институционально выстроенными системами органов – процессуальными органами. Помимо «членства» в уголовно-процессуальных отношениях, названные субъекты (в особенности это касается органов обвинения и суда) находятся в «жестких рамках» отношений внутри той системы органов, к которой они принадлежат институционально. Однако факт внутрисистемных отношений, обусловленных социальной природой самих субъектов уголовно-процессуальной деятельности, находится в латентном для сферы уголовного судопроизводства состоянии. В уголовном судопроизводстве не учитывается и не имеет значения «действительный», основанный на внутрисистемных принципах управления, порядок «согласования» или «прохождения» по инстанциям до официального принятия решений по вопросам, связанным с началом уголовного преследования, применением

мер принуждения, привлечения в качестве обвиняемого и т.д. В уголовно-процессуальных отношениях их субъекты, несмотря на всю их организационную и социальную сложность, выступают в единстве своего статуса, без учета их внутрисистемного должностного положения. Так, полномочия следователя может выполнять руководитель следственного органа, а прокурором в суде выступать сотрудник прокуратуры в должности помощника прокурора. «Организационный порядок», складывающийся между субъектами уголовно-процессуальной деятельности, создает на уровне всей системы уголовного судопроизводства образ «внутрисистемного» порядка наподобие того, который свойствен любой социальной организации.

Организационный порядок абстрагируется от индивидуальных особенностей субъектов, участвующих в уголовном судопроизводстве. На передний план выступает целесообразность уголовно-процессуальной деятельности, которая предусмотрена «логической программой», а также степень соответствия организационных отношений, их результатов целям уголовного судопроизводства. Эффективность уголовного судопроизводства в значительной степени определяется степенью совершенства его формальной структуры – установленного законом порядка деятельности участников уголовного судопроизводства. Формализация организационного порядка подразумевает, с одной стороны, сокращение числа персонализированных отношений, замещение их отношениями «через правила», что, как результат, может приводить к явлению интернализации правил их участниками. Содержание организационных отношений составляют исключительно «служебные», подчиненные функциональным целям. С другой стороны, в правилах не только закрепляется стандарт деятельности социальной организации, а организационные отношения типизируются в формальных правилах, но через них достигается качество стабильности социального образования. Поддержание целостности и достижение устойчивости социальной системы представляют собой самостоятельную общеорганизационную ценность, как бы встроенную в природу социальной системы ее постоянную, имманентную цель.

Вместе с тем достижение целей системы не устраниет субъективного начала в функционировании организационного порядка. Сужение диапазона выбора поведения и принятия решения до критического предела может стать дисфункциональным для всей системы. Принципиальная несводимость социальной системы к объективированному в ней формальному порядку говорит о ее сверхсложном характере по сравнению с функциональной программой.

* * *

Рассмотренные в настоящей статье вопросы позволяют сформулировать несколько выводов.

1. Уголовное судопроизводство обладает собственным «онтологическим» статусом, проявляющимся в зависимом от более широкой социальной среды (общественного и политического строя) положении. Как особая разновидность социальной системы уголовное судопроизводство оказывается шире своей функциональной «программы», заданной в установленной законом процедуре. Соотношение в уголовном судопроизводстве личных и безличных факторов характеризует его в целом в качестве сверхсложного социального образования.

2. Интегративный компонент уголовного судопроизводства, выражющийся в категории «назначения», производен в рафинированном (очищенном от политической ангажированности и идеологических шор) виде от общественного запроса, общесоциальных потребностей. Формирование целей уголовного судопроизводства в «материале» социальной среды, общественных ожиданий характеризует его как особый социальный институт – «инструмент» решения социально значимых задач.

3. Уголовное судопроизводство выступает «полем» социального взаимодействия функционально и организационно обособленных участников – субъектов уголовно-процессуальной деятельности. В уголовно-процессуальные отношения они вступают в образе особого типа субъекта, имеющего, несмотря на их организационную и социальную сложность, единство характерного для осуществляющей ими функции статуса (следователь, дознаватель, прокурор, судья, защитник подозреваемого / обвиняемого). Достижение целей уголовного судопроизводства подразумевает их соотнесение с задачами, стоящими перед этими основными участниками – субъектами уголовно-процессуальной деятельности.

4. Естественным продуктом функционирования уголовного судопроизводства как особой социальной «экосистемы» является процесс ее самоорганизации. «Спонтанность» самоорганизации, «непредсказуемость» ее результата на уровне системы уголовного судопроизводства в целом обусловлены в первую очередь тем, что достижение задач, поставленных перед организационно и юридически самостоятельными субъектами уголовно-процессуальной деятельности, обусловлено качеством выполняемых ими полномочий, критерием чего выступает соблюдение процедуры уголовного судопроизводства, а не количественные показатели (в виде числа возбужденных уголовных дел, привлеченных в качестве обвиняемых, осужденных или оправданных).

5. В процедуре уголовного судопроизводства в «снятом» виде (с учетом «накопленного» опыта)

представлена желательная модель уголовно-процессуальной деятельности. Если фактор самоорганизации сужает возможности целенаправленного управляющего воздействия на систему уголовного судопроизводства в плане достижения задач, то «организационный порядок», наоборот, служит «каналом», через который это управляющее воздействие может реализовываться. Безличность структуры, рациональность и намеренная однозначность «организационного порядка» создают эффект «формальной организации» в уголовно-процессуальной сфере. Таким образом, эффективность уголовного судопроизводства в значительной степени определяется степенью совершенства его формальной структуры.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Головко Л. В. Участие государства в уголовном судопроизводстве: от «равенства оружия» к реалистичным концепциям // Государство и право. 2020. № 6. С. 107–118.
2. Гольцов А. Т. Институциональный фактор как существенное условие социально-экономического взаимодействия в государственно-организованном обществе // Евразийская адвокатура. 2020. № 5. С. 97–103.
3. Маккай И. Право и экономика для континентальной правовой традиции / пер. с англ. И. Дагилевой и О. Якименко; под науч. ред. Д. Раскова. М., 2019. С. 47–53.
4. Михайлowsкая И. Б. Процессы управления в судебной системе. М., 2012. С. 29.
5. Михайлowsкая И. Б. Трансформация российского уголовного судопроизводства // Труды ИГП РАН. 2011. № 1. С. 158.
6. Михайлowsкая И. Б. Цели, функции и принципы российского уголовного судопроизводства (уголовно-процессуальная форма). М., 2003. С. 10, 27.
7. Норт Д., Уоллис Дж., Вайнгаст Б. Насилие и социальные порядки. Концептуальные рамки для интерпретации письменной истории человечества / пер. с англ. Д. Узланера, М. Маркова, Д. Раскова и А. Расковой. М., 2011. С. 56–63.
8. Петрухин И.Л., Батуров Г.П., Морщакова Т.Г. Теоретические основы эффективности правосудия / отв. ред. Г.П. Батуров. М., 1979. С. 60, 61, 76.
9. Пригожин А. И. Социология организаций / отв. ред. Д. М. Гвишиани. М., 2015. С. 65.
10. Спиридовон Л. И. Социология уголовного права. М., 1986. С. 82.
11. Фойницкий И. Я. Курс уголовного судопроизводства. СПб., 1996 г. Т. 1. С. 4.

REFERENCES

1. *Golovko L. V.* State participation in criminal proceedings: from “equality of arms” to realistic concepts // *State and Law*. 2020. No. 6. P. 107–118 (in Russ.).
2. *Goltsov A. T.* Institutional factor as an essential condition of socio-economic interaction in a state-organized society // *Eurasian Advocacy*. 2020. No. 5. P. 97–103 (in Russ.).
3. *Makkai I.* Law and Economics for the Continental legal tradition / transl. from the English by I. Dyagileva and O. Yakimenko; under the scientific ed. D. Raskov. M., 2019, P. 47–53 (in Russ.).
4. *Mikhaylovskaya I. B.* Management processes in the judicial system. M., 2012. P. 29 (in Russ.).
5. *Mikhaylovskaya I. B.* Transformation of Russian criminal justice // *Proceedings of the ISL RAS*. 2011. No. 1. P. 158 (in Russ.).
6. *Mikhaylovskaya I. B.* Goals, functions and principles of Russian criminal justice (criminal procedure form). M., 2003. P. 10, 27 (in Russ.).
7. *North D., Wallis J., Vaingast B.* Violence and social orders. Conceptual framework for the interpretation of the written history of mankind / transl. from English by D. Uzlaner, M. Markov, D. Raskov and A. Raskova. M., 2011. P. 56–63 (in Russ.).
8. *Petrukhin I. L., Baturov G. P., Morshchakova T. G.* Theoretical basis of the efficiency of justice / ed. by G. P. Baturov. M., 1979. P. 60, 61, 76 (in Russ.).
9. *Prigozhin A. I.* Sociology of organizations / ed. by D. M. Gvishiani. M., 2015. P. 65 (in Russ.).
10. *Spiridonov L. I.* Sociology of Criminal Law. M., 1986. P. 82 (in Russ.).
11. *Foynitsky I. Ya.* The course of criminal proceedings. SPb., 1996. Vol. 1. P. 4 (in Russ.).

Сведения об авторе

ГОЛЬЦОВ Андрей Тамазович –
 кандидат юридических наук, доцент
 Российской академии народного хозяйства
 и государственной службы при Президенте
 Российской Федерации; 119571 г. Москва,
 проспект Вернадского, д. 82, стр. 1;
 адвокат – член Адвокатской палаты г. Москвы

Author's information

GOLTSOV Andrey T. –
 PhD in Law, associate Professor of the Russian
 Academy of National Economy and Public
 Administration under the President
 of the Russian Federation; 82, bldg. 1,
 Vernadskogo ave., 119571 Moscow, Russia;
 lawyer – member of the Moscow
 Chamber of Lawyers